

тельно, а иногда и очень высоко оценивавшая вклад В. в нашу военную прозу, отмечала, что он — как писатель — обладает живым чувством народа.

Соч.: Белая степь: рассказы. Хабаровск, 1951; Пост № 9: рассказы. М., 1954; Вторая находка: рассказы. Хабаровск, 1956; Иней на ресницах: рассказы. М., 1958; Полоса препятствий. М., 1960; Где сходятся дороги: рассказы. М., 1962; Земля — Небо — Земля: повести и рассказы. М., 1962; Колумб третьей переправы. Фронтные страницы. М., 1965; Шагай, капитан: повести и рассказы. М., 1965; Мое несказанное слово: повести и рассказы. М., 1969; Его большое поле: повести. Л., 1972; Немая атака. Л., 1973; Жизнь продленная: повести. Л., 1975, 1978; Потери — один человек: повести. М., 1976; Подробности жизни: роман. Л., 1980; Потери — один человек. Утро Победы. Дом. Волны. Л., 1980; Плотина: роман // Звезда. 1981. № 2, 3; Избранное. Л., 1988.

Лит.: Полянский Д. Стерегущие небо // Красная звезда. 1963. 22 мая; Зотов М. «Голубая Русь» сегодня. О прозе Ивана Виноградова // Знамя. 1973. № 3; Раковский Л. Раздумья очевидца. О прозе Ивана Виноградова // Аврора. 1978. № 5; Емельянов Л. Правда простых историй // Виноградов И. Избранное. Л., 1978. С. 3–10; № 8; Коносов М. Время — жизнь // Звезда. 1979. № 9; Шеломенцева М. Прошлое и настоящее // Нева. 1983. № 2.

А. И. Павловский

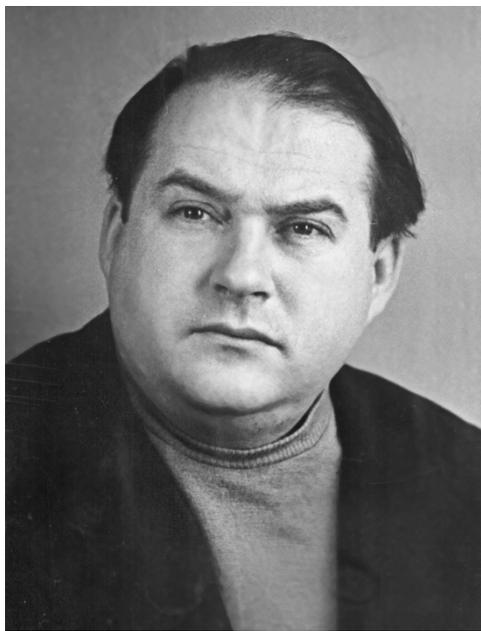
ВИНОКУРОВ Евгений Михайлович [22.10.1925, Брянск — 2.1.1993, Москва] — поэт, автор эссе о русских поэтах, переводчик.

Родился в семье военнослужащего; не окончив 10-го класса, в янв. 1943 поступил в артучилище, которое закончил осенью того же года и стал командиром артиллерийского взвода; воевал на 4-м Украинском фронте, в Карпатах, войну закончил в Силезии, в городке Обер-Глогау; после войны из-за болезни легких был демобилизован, поступил в Лит. ин-т им. Горького, который окончил в 1951. В год окончания ин-та вышла первая книга В. «**Стихи о долге**», за которой последовали «**Синева**» (1956), «**Признания**» (1958), «**Лицо человеческое**» (1960), «**Слово**» (1962), «**Музыка**» (1964), «**Характеры**» (1965), «**Ритм**» (1966), «**Зрелища**» (1968), «**Жест**» (1969), «**Метафоры**» (1972), «**В силу вещей**» (1973), «**Серезка с Малой Бронной**» (1975), «**Контрасты**» (1975), «**Жребий**» (1978), «**Благоговение**» (1981), «**Бытие**» (1982), «**Космогония**» (1983), «**Ипостась**» (1984), «**Участь**» (1987), «**Равноденствие**» (1989). В заглавия книг

поэт вкладывал эмблематический смысл, ибо они указывали на разные грани и особенности его творческой индивидуальности, и он не случайно ввел их в определение поэзии. «Что такое поэзия? — спрашивал В. в заметке **„Коротко о себе“** и отвечал: — Думаю, что это не что-то одно. Поэзия — это и музыка, к которой прислушивается поэт в себе самом, но это и долг, которому он подчинен; это и живописные зрелища, но и слово, несущее смысл, суть; это и галерея эпических характеров, но и признания; это и внутренний голос, но и внешний ритм» (Сс. Т. 1. С. 7).

В. является автором сб. статей и заметок о поэзии «**Поэзия и мысль**» (1966), «**Остается в силе**» (1979) и «**Аргументы**» (1984), книг переводов «**Собратья**» (1980), «**Из поэзии Востока**» (1980), «**Многоголосье**» (1981) и «**У вечных рек**» (1983).

Основу худож. мировосприятия и стиля В. составляет сложная система контрастов и метафорических сопряжений микро- и макромира. Поэт считает: «Наличие полярностей необходимо миру — без полярностей не существует ни один мир, тем более не может существовать такой мир, как мир поэзии. На свете, где все взаимосвязано, существует сложная диалектическая зависимость между вещами...» (Сс. Т. 3. С. 351). Ядром этого мировосприятия и стиля, основанного на сложной системе взаимосвязанных контрастов, являются личность и характер поэта. Психо-

Е. М. Винокуров

логический опыт военных лет обострил у В. чувство полярности мира, помог воспринять многообразие жизненных коллизий, в том числе драматических, дал возможность ощутить «трагическую подоснову мира» и вместе с тем усилил стремление поэта к гармонизации противоположностей.

В поэтическом мире В. все начинается с малого, обыденно-земного. В стих. **«Мы из столбов и толстых перекладин...»** (1947; печаталось и под заглавием «Гамлет») поэт рассказал, как в армейской самодеятельности за исполнение роли принца Датского из трагедии Шекспира взялся ефрейтор Дядин, не обладавший для этого никакими природными данными: «Он был степенный, краснощекий, плотный, / Со множеством веснушек на лице. / Бывало выйдет, головой поникнет, / Как надо, руки скорбно сложит, но / Лишь только „быть или не быть?“ воскликнет, / Всем почему-то делалось смешно». Поэту, разумеется, понятно, почему всем становится смешно. Дядин, конечно, никогда не станет блистательным исполнителем роли Гамлета, но чрезвычайно важно его желание подняться над собой, его тяга к такой своей противоположности, которая является для него воплощением чего-то высокого, сложного. Именно этим, а еще тем, что он «свой», «наш», и близок ефрейтор поэту, который с определенной долей торжественности заявляет: «Я Гамлетов на сцене видел многих, / Из тьмы кулис входивших в светлый круг. / Печальных, громогласных, тонконогих... / Промолвит слово — все затихнет вдруг, / Сердца замрут, и задрожат бинокли... / У тех — и страсть, и сила, и игра! / Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли, / И запрос-то сидели у костра».

Стремясь в простом увидеть сложное, в стих. **«Синева»** (1955) В. рассказал о белорусском селе, которое «все с ясно-синими глазами». В этой общей синеве глаз он увидел не только индивидуальные особенности людей, но великую мудрость жизни. У босой девчонки «Как голубые угольки, / Глаза ожгут из-под ладони». Если окликнуть мужчину, который был, очевидно, солдатом, «он поднимет взгляд, / Исполненный глубокой сини». А вот у старухи, бредущей «через льны / С грибной корзинкой и клюкою», «очи древние полны / Голубоватого покоя». И как непохож этот «голубоватый покой» древних очей (а не глаз просто) старухи на синеву глаз «молодух»: «Пять у забора молодух. / Судачат, ахают, вздыхают... / Глаза — захватывает дух! — / Так синевой и полыхают». И, наконец, девчата — уже не девчонки,

но еще не молодухи. «Девчата. Скромн их наряд. / Застенчивые чаровницы, / Зардевшись, синеву дарят, / Как драгоценность, сквозь ресницы». Общий для всех жителей полесского села цвет глаз, обозначенный в заглавии стих., является гармонизирующим и символическим началом.

Предметы и явления своих лирико-философских размышлений В. часто обозначает в заглавиях стих. и книг на отвлеченном, образно-понятийном уровне: **«Доброта», «Красота», «Совість», «Творчество», «Кровь», «Лицо челоуеческое», «Слово», «Абсурд», «Метафоры», «Дух Гомера», «Мифы Индии», «Бытие»** и т. п. Затем, в самих стих., общие и абстрактные понятия художественно анализируются в их конкретных, индивидуально, исторически и бытийно обусловленных воплощениях. Этот воплощенный, явленный, зримый, предметно-бытовой, чаще всего сегодняшний мир находится в центре поэтического внимания В. Поэт не замкнут и не статичен в нем, он со временем стремится все больше углубить и расширить его познание, постичь его смысл и дух, выявить его духовные, исторические, этические, эстетические — индивидуальные и общие — основания, обозначенные в отвлеченных понятиях. В процессе постижения простого и сложного, текущей действительности и исторического прошлого, бытового и бытийного В. может дать порой свободу субъективным чувствам и страстям, риску и бесшабашной воле, нарушающим уравновешенный, привычный строй жизни, но с тем, чтобы затем снова вернуться к упорядоченности, уравновешенности, цельности, простоте и гармонии. Эти полярные свойства поэт ценит и у др. художников, даже в целом далеких от него по своему мировосприятию и стилю (см., например, стих. **«Мир разложил на части Пикассо...»**).

Со временем у В. все больше возрастал и углублялся интерес к истории, точнее — к философии истории, отечественной и мировой. В стих. **«Учитель истории»** (1961), рассказывая о личном участии в истории, в войне, он вместе с тем на примере фашистской Германии постигает, как «философская система военной делается вдруг». Проблемы истории и ее связей с современностью занимают видное место в книгах В.: **«Характеры»** (стихи из цикла «Россия и революция»), **«Зрелища»** (стихи из цикла «История»), **«В силу вещей»** (цикл «Аттила», стихи «Гунны», «Петр», «Старый Кант подсел поближе к лампе...», «Карамзин», «Чужеземец», «Разин», «Монгол» и др.),

в книге «Космогония» (стихи из циклов «Старина» и «Восток»), а в книге «Бытие» обращается к весьма редкому для него жанру поэмы («**Табу**», 1981–82; более раннее название — «**На Запад**»). В этой лирической и историко-философской поэме, как и в стих. «Учитель истории», В. стремится понять, почему Германия, в прошлом страна великих музыкантов, философов и поэтов, при Гитлере превратилась в источник мирового зла. Поэма представляет из себя необычное для лаконичного В. рассуждение, состоящее из стихотворных звеньев, связанных между собой общей темой, но не сюжетным действием, изображение которого явно не является делом поэта. Это растянутое рассуждение, содержащее, как всегда у В., интересные наблюдения и выводы, заканчивается весьма выразительной, афористически выраженной мыслью: «легко быть зверем / и легко быть богом, / быть человеком — / это тяжело!» Растянность поэмы лишь оттеняет бесспорность того, что В. является прежде всего большим мастером малой формы — короткого, философски, эмоционально и исторически насыщенного стихотворения. Ему принадлежит и стих., которое, будучи положенным на музыку композитором А. Эшпаем, стало широко известной песней «**В полях за Вислой сонной...**» (1953).

Неброское, глубинное новаторство В., новаторство не столько техническое, сколько духовно-нравственное, в области смысла, психики, совести, прочно опирается на фундамент поэтических традиций, в первую очередь отечественных. Он хорошо знал русскую поэзию и посвятил ей большую серию лаконичных лит. портретов от Державина до Евтушенко, знакомство с которой многое дает и читателям, и литературоведам. В. умел ценить не только поэтов, в чем-то близких ему, его творческой манере (поздние философские стихи Пушкина, Баратынский, Тютчев, Фет, Заболоцкий), но и поэтов, далеких от него (Некрасов, Блок, Маяковский, Цветаева, Есенин, Твардовский и мн. др.). Так, например, В. был открыт трагический Есенин. «Все творчество Сергея Есенина — это одно цельное произведение, все его стихи — это одна большая цельная поэма, трагическая мистерия, героем которой является он — лично сам» (СС. Т. 3. С. 270). О яркой творческой индивидуальности В. писали С. Маршак, М. Светлов, Б. Ахмадулина и др. поэты.

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1976; СС: в 3 т. М., 1983–84.

Лит.: Огнев В. В поисках красоты // Новый мир. 1959. № 5; Пьяных М. Ф. Лирика Евгения Винокурова // Ученые записки Костромского гос. педагогического ин-та им. Н. А. Некрасова. Кострома, 1963. Вып. 9; Урбан А. Поэзия мысли и биография героя // Урбан А. Возвышение человека. Л., 1968; Михайлов Ал. Евгений Винокуров. М., 1975; Матвеева Н. Хлеб, стихи и фантазия: Заметки о поэзии Е. Винокурова // Лит. учеба. 1979. № 5; Шульская О. В. О символе в поэзии А. Межирова и Е. Винокурова // Лингвистика и поэтика. М., 1979; Уляшев П. Миг и вечность: Быт и бытие в поэзии Е. Винокурова // Октябрь. 1985. № 10; Парыгин В. Он в нашем городе родился... // Юность. 1985. № 10; Бек Т. Дойти до самой сути... // Знамя. 1988. № 1; Ваншенкин К. И. Женька с Веснина. Вспоминя Евгения Винокурова // Лит. газ. 1995. № 24. 15 июня.

М. Ф. Пьяных

ВИРТА Николай Евгеньевич (настоящая фамилия Карельский; псевдоним Артем) [6(19). 12.1906, с. Каликино Тамбовской губ.— 9.1.1976, Москва] — прозаик, драматург.

Родился в семье сельского священника. С 1911 семья надолго осела в с. Большая Лазовка, которое по ошибке указывается как место рождения В. и которое фигурирует в романах В. под названием Дворики. В «автобиографической повести» «**Как это было и как это есть**» (1973) В. счел необходимым подчеркнуть: «Никакого особенного ре-

Н. Е. Вирта